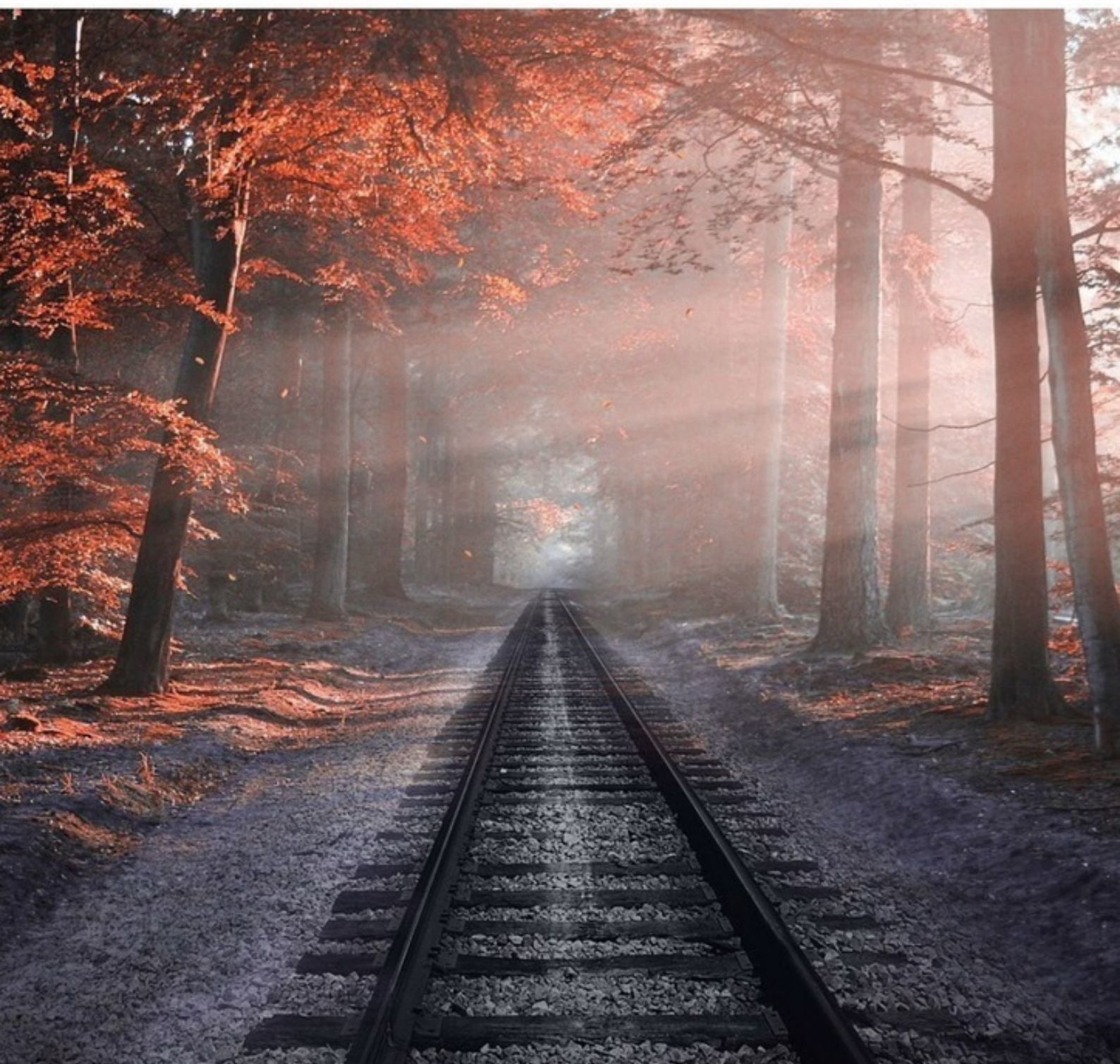

ЛИНА КИРИЛЛОВЫХ

Вне расписания

Лина Кирилловых

Вне расписания

«Издательские решения»

Кирилловых Л.

Вне расписания / Л. Кирилловых — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966869-1

За деревней и богатым поместьем, за зелёными лугами и лесом, за
обыденным, привычным и незыблемым находится чужое для мира —
железный путь явления.

ISBN 978-5-44-966869-1

© Кирилловых Л.
© Издательские решения

Вне расписания

Лиана Кирилловых

© Лиана Кирилловых, 2019

ISBN 978-5-4496-6869-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жар выжег серебристую росу, прокатившись по траве языком, размазался и пропал – растворился, уйдя в прохладу утреннего воздуха, но не для чуткого носа собак. «Лапка», – обратился Степан ласково. Борзая, тонконогая умница в подпалинах на кучерявой светлой шерсти, дрожала. Немолодая уже, с поседевшими ресницами, она прекрасно знала, что такое заяц, лиса, куропатка и волк. Иное, не звериное дыхание, ядовитый запах не плоти, но чужеродной плотности, которую не ухватишь зубами, не заставишь, погнавшись, свернуть и прийти под выстрел меткого ружья охотника – дух горы, передвигающейся стремительным валом, дух страшного грохота, лязга и силы огня вызывал в стучащем сердце ужас. «Лапка», – жёсткая и тёплая рука хозяина погладила. Рассвет окрасил зубчики леса в розовый. Утренний набат явления был привычным, и Степан его не боялся. Явление не причиняло зла ни собакам, ни людям. Просто не надо было, никогда не надо было передвигаться по чужому пути.

Случалось, конечно, что охотник находил неудачливых жертв. Олень, молодой ещё, глупый, кормившийся рядом и испуганный звуками явления, бросался прочь, пересекая путь, и не успевал. Разбившиеся свиристели лежали, раскинув окостеневшие крылья. Жёлтые бабочки оставались на листьях, как хлопья странного, ошибшегося месяцем снега – и в тот давний июль дурачок Фома, родившийся весь целиком в пузыре и потому блаженный, пытался, видно, поиграть с явлением так же, как играл с телятами, которых пас, но погиб. Столбы ограды не защищали – покосились, попадали, и одряхлевшая рыжая сеть вросла в землю, скрывшись в траве, как и утрамбованный камень, который поддерживал путь. «Лапка, трусишка, брось: оно ушло».

Степан, осторожно шагая, пересёк блестящие ленты. Лапка жалась к ногам, но на той стороне успокоилась. Первый солнечный луч чиркнул по бледному небу. Наливаясь, как спелая ягода, солнце выкатывалось, чтобы принести новый день, и лесные птицы, почувствовав это, встряхнулись и загомонили. Изнанка чащи дохнула на Степана сыростью. Ступая по хвое и прошлогодним листьям, охотник пробрался сквозь папоротник и обошёл бурелом, спускаясь по откосу к ручью. Степан увидел на влажной земле треугольные следы копытец косули и добродушно хмыкнул в бороду: он за ней не гнался. Лапка понюхала корни, выступающие из песка, фыркнула на прибитую к берегу пену, наострила уши и гавкнула. Послышалось ржание, а затем – хруст веток, и из ельника напротив выехал всадник. Каурый конь, склонив породистую голову, потянулся к бегущей воде. Степан цыкнул на Лапку и, сняв картуз, поклонился.

– Утречка, барин.

Молодой граф Межецкий кивнул.

Конь пил, лениво взмахивая длинным хвостом. Граф, опустив поводья, осматривался. Сощурился от солнца, пробившегося сквозь кроны деревьев, Межецкий оглядел Степана, Лапку и, повернув голову к откосу, попытался различить лежащий наверху его путь.

– Отсюда не заметно. Но ты, верно, шёл через него. Я встаю рано, – утренние прогулки полезны – но так и не смог пока увидеть явление. Смешно, но я пообещал приятелям в корпусе, что осенью, когда вернусь на службу, расскажу, что оно такое есть и зачем. Говорят, – граф снова взглянул на Лапку, – собаки боятся явления.

– Так, барин. Животное не понимает, но опасается.

– А ты, старик?

– Я бью белку, барин. Зайца и оленя. Всё, что надобно мне разуместь – как слышать зверя и обрабатывать шкурки. Мои отец и дед жили так.

– Простые люди...

– Ваша правда, барин.

– Но простому мужику князь не подарил бы такую собаку, – Межецкий улыбнулся. Красивый юноша – но Степан совсем не знал его, чтобы понять, был ли городской сын их соседа-помещика хорошим человеком.

– Фёдор Петрович всегда ко всем добр, – уклончиво сказал охотник.

Граф спешил и вытер запylённые носы сапог о мох. На земле он держался гораздо проще, чем в седле. Возможно, причиной была молодость: Межецкому шёл девятнадцатый год. Он задел сапогом лапу маленькой ели и полюбовался на капли росы, которые посыпались с иголок. К чёрному хромю прилипли нити рваной паутины. Лицо под котелком для верховой езды было ещё очень мальчишеским: острым, подвижным и интересующимся.

– Сегодня будет жарко, – с видом знатока сказал Межецкий.

Степан почесал Лапку за ухом. Борзая лизнула ладонь и, получив немое разрешение, потрусила обследовать коряги, бурелом и ёлки. Граф стоял на другом берегу узкого ручья, который легко мог бы перешагнуть, чтобы забраться по откосу вверх и поглазеть на путь, но не делал этого. Хотя путь явления и был границей между помещичьими землями соседей, лес по обе стороны считался общим.

– Когда-то было время, – Межецкий говорил серьёзно, нахмутив брови, как будто оставался лицеистом и отвечал учителю урок, – когда пути не существовало. Иначе лес не стремился бы вернуть положенное ему, прорастая травой и деревьями там, где ходит явление. Чтобы сделать путь, такой длинный, потребовалось, должно быть, очень много сильных рубщиков, корчевателей и кузнецов. Странно, что, понимая всё это, никто до сих пор не знает, зачем нужны путь и явление.

Степан вздохнул.

– Я человек неучёный, барин.

Граф досадливо отмахнулся.

– Мой отец не знает! Лицейские профессора. Бургомистр. И князь Фёдор Петрович. Глупые бабы в деревне молятся, чтобы их дети родились «не под набат», считая рассветное время явления проклятым, что ли, глупые девки ворожат на суженого, оставляя на ночь на пути соломенных кукол. Дремучие суеверия – не ответ, не основа. Почему никто не пробовал остановить явление?

Степан вздохнул ещё раз.

– Оно... оно ведь как целое ваше поместье, барин. Только движется.

Межецкий перепрыгнул ручей, сжимая поводья в руке, и конь послушно перешёл за ним, взбив копытами воду.

– Расскажи, – граф попросил почти по-детски взволнованно.

– Большое. То есть огромное, барин. Движется. И всё.

Глядя в недовольное лицо, Степан развёл руками.

– Я видел издали, сквозь листву. Явление рождает грохот и жар. Оно – как стены с окнами, и несётся быстрее табуна: не догонит ни борзая, ни лошадь. Иногда я нахожу у пути разнесённые в щепки стволы. Деревья падают на путь после бури, но явление не останавливают. Иногда – нахожу там же мёртвых зверей. Даже если бы и был обучен грамоте, всё равно не смог бы объяснить вам всего, барин.

– Пока этого хватит. Завтра я поднимусь ещё раньше, – Межецкий потянул коня прочь. Не к откосу – обратно, вдоль ручья, чтобы выбраться на лесную тропу. Лапка возилась в ель-

нике: вынюхала мышь. – Завтра, а сегодня... О! Верно, а сегодня же князь Фёдор Петрович ждёт нас с отцом к себе в гости. А ждёт ли Анна Фёдоровна? Князь очень хотел познакомиться нас с ней.

– Должно быть, ждёт, барин, – Степан опять поклонился, прощаясь.

Он долго слушал воздух, в котором затихали звуки треска веток под копытами, потом свистнул Лапку. Странно, что граф ничего не спросил про лукошко, не пошутил про белок, которых Степан-де собрался сложить туда, будто грибы. Всё-таки городские – другие.

По правую сторону, на сухих сосновых взгорках, росла дикая земляника. Аннушка ей очень обрадуется.

Нянины руки казались сегодня задумчивыми. Касание за касанием, ласково, обыденной и тихой добротой они плели из тяжёлых волос косу – а затем, когда, закончив, подняли её и стали оборачивать на затылке, скрепляя ореховым гребнем, всё стало ясным сразу, сопоставилось: папа ожидает гостей. Нет причины беспокоиться, нянюшка: просто соседский визит, граф Межецкий с сыном. Молодые люди, впрочем, бывают занудны и любят рассказы о гвардии, где непременно совершают подвиги, хотя, как известно, подвиг для дворянина-гвардейца уже – самостоятельно почистить своего коня скребком. Полдня скуки – не беда какая-нибудь.

– Повернись-ка, Аннушка.

Няня убрала от её лица прядки, заправила за уши, как маленькой. Морщинистое суховатое лицо на миг прорезало вспышкой печали. Аннушка вдруг испугалась.

– Няня!

– Поговори с Фёдором Петровичем, ласточка. Пока не приехали гости.

– Папа по утрам читает.

– Знаю, ласточка, знаю. Фёдор Петрович не любит, когда его беспокоят за книгой, но сегодня – нужно. Аннушка...

– С молодым Межецким нельзя обсуждать что-то, папы касающееся? Или про дом? Про книги? Папа бы предупредил заранее. Да и отчего бы... Няня, что случилось?

– А! Пусть я глупая старуха, Аннушка... Пусть так и окажется. Но не обо всем родитель может сказать своей дочери прямо. Поговори, посмотри, какой Фёдор Петрович: будет ли он выглядеть смущённо и неловко. Поговори... вот, о том, следует ли при Николае Дмитриевиче упоминать романы и поэзию. И мне расскажешь.

– А ты что, нянюшка?

Из-под двери свежо тянуло сквозняком: галерею проветривали.

– Пусть, ласточка, просто буду глупой старухой.

Дом лучился солнечными полосами, шелестел и хихикал. Поток воздуха облепил ноги тканью белого платья: ветер, залетевший в открытые рамы, пах разнотравьем. И лежащим за лугами лесом. Горничные с перьевыми метёлочками заулыбались Аннушке, и она обрадовалась, что никто из девушек не озадачен непонятным, как няня. Мраморная лестница за окнами спускалась в расчерченный на квадраты лужаек и кустарников парк. Позолоченный, с ещё пораннему густыми тенями, парк был пустынен, и широкая аллея между ним и лестницей – тоже. Но к обеду подъедут верховые.

– Извольте позавтракать в беседке, Анна Фёдоровна? – экономка вышла из столовой. – Или здесь?

– Чуть позже, Эмма Генриховна. Когда спустится папа.

Стекла круглых очков экономки блеснули.

Библиотечный флигель хранил сонную тишину и покой. Выцветшая и уютная зелёная дорожка на полу рождала пыль, пляшущую в ярком свете. Круглое окошко князь не открывал – чтобы звуки не отвлекали от чтения. Полки из тёмного дерева множилось лабиринтом: в детстве он казался величественным, но со временем стал просто узким и тесным. Запах старой

и ломкой бумаги смешался с ароматом кольдкрема, которым князь пользовался после бритья – в никогда не запертую дверь библиотеки, тем не менее, стучали утром только по важному делу, отчего Фёдор Петрович взглянул на вошедшую Аннушку с долей тревоги. Он знал, что она не станет беспокоить его из-за пустяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.